

**ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ ПОЭТА В ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ И. БРОДСКОГО)**

Е. В. Бондаренко, д-р филол. наук, профессор

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина,

пл. Свободы, Харьков, 461077, Украина

E-mail: y.v.bondarenko@karazin.ua

В статье рассматривается лингвокогнитивный потенциал теории возможных миров в переводоведении. Когнитивной исходной исследования является способность сознания человека создавать модели мира (возможные ситуации) согласно его собственным (не всегда совпадающим с реальностью) представлениям о явлениях мира и их взаимосвязях. В терминах лингвокогнитивистики ситуация в возможном мире представляется как скрипт (сценарий) – набор линейно последовательных концептуальных узлов с кластерами пропозиций. На примере произведений И. Бродского, который является автором их русскоязычной и англоязычной версий, продемонстрирована возможность применения описанной методики в анализе перевода как лингвокогнитивного явления. Выявлены модальные операторы и практически постоянный состав скриптов возможных миров оригинала и перевода. Вариативность, обусловленная как внутриязыковыми нормами, так и национально-культурными причинами, наблюдается внутри кластеров пропозициональных связей переменных (концептов).

Ключевые слова: *теория возможных миров, скрипт, модальный оператор, пропозициональная связь, концепт.*

Постоянный интерес к проблемам переводоведения обуславливает непрерывный поиск новых подходов и даже целых направлений научного знания для их решения. К числу таких подходов можно отнести лингвокогнитивистику, постулирующую примат человеческого мышления в любой языковой деятельности, включая перевод с одного языка на другой [1; 2]. Когнитивный подход относит изучение перевода в плоскость ментального, описывая его как особый способ конструирования, или вернее, реконструирования образа мира, вербализованного в оригинале, в рамках категории тождества [3], преодоления различного рода когнитивных диссонансов [4, с. 138-193] и пр.

Целью статьи является выявление потенциала теории возможных миров в решении задач, поставленных перед исследователем в изучении перевода как лингвокогнитивного процесса. Достижение цели предполагается в несколько этапов: первый состоит в формулировке релевантных цели нашего исследования базовых положений и парадигматики теории возможных миров; второй – в раскрытии *сущности понятий указанной теории с точки зрения лингвокогнитивистики и третий* – в анализе конкретных художественных произведений с применением описанной методики. **Объектом** исследования является возможные миры оригинала и перевода, а **предметом** – модальные и лингвокогнитивные свойства указанных миров.

В терминах лингвокогнитивистики особое значение имеет тот факт, что процесс перевода сам по себе заключается не столько в составлении устного или письменного вербального эквивалента текста-оригинала, сколько в опосредованном переводчиком соотношении когнитивных моделей мира адресанта и адресата, поиске соответствий и тождеств между ними (см. напр. [5, с. 136]). Последнее, на наш взгляд, невыполнимо вне знания универсальных законов человеческого мышления и механизмов его вербализации.

Релевантную методику предлагает теория возможных миров в ее прикладной интерпретации. Суть теории Г. Лейбница [6] в рамках семантики модальной логики, разработанной С. Крипке [7] и Я. Хинтиккой [8], составляет представление о существовании бесконечного числа вариантов мира, среди которых имеется “один

реальный мир, в котором мы живем, другие представляют собой “возможные миры” [9, с. 6]. Главным направлением лингвистического исследования возможных миров является семантика [8; 10]. Согласно её положениям, в лингвистическом плане возможные миры представляют собой набор предложений, содержащих модальные операторы, типа: *возможно, что...* или *необходимо, что...* и их отрицаний. Основой таких предложений является пропозиции или реляции, бинарно соотносящие между собой переменные (некие понятия) в плане так называемой достижимости [7; 11, с. 259]. Достижимость понимается как возможность, допустимость изменений переменных одного мира по отношению к другому с сохранением истинности обоих. Так, например, утверждение о достижимости мира w_j из мира w_i (Rw_iw_j) означает, что мир w_j возможен относительно мира w_i , т.е. “в мире w_i мыслимы, допустимы в принципе такие изменения, при которых он превратился бы в мир w_j ” [11, с. 259]. Главной логической операцией при этом является выявление возможного направления развития событий, или, используя понятия модальной семантики, изменений реляций между переменными или самих переменных. Так, по утверждению Я. Хинтики, возможные миры представляют собой “развитие событий в относительно малом пространстве <...> “Возможные миры” это нечто, называемое системами в физике. Это <...> ситуации” [8, с. xvii] (*перевод наш – Е.Б.*). Рассмотрим, например, фрагмент возможного мира поэта w_j , реализованный в строках стихотворения А. Вознесенского “Тайга”: *Твои зубы смелы / в них усмешка ножа / и гудят как имели / золотые глаза!* [20]. В w_j реляции “смелые зубы”, “нож усмехается”, “глаза гудят” недостижимы из мира w_i , приближенного к действительности.

Соотносимость возможных миров между собой позволяет также предположить, что они не существуют изолированно, а “генетически” связаны между собой через действительный мир: “С одной стороны, пропозиция *необходимо* (и *возможно*) истинна в широком логическом смысле, когда эта пропозиция истинна во всякие моменты времени во всех возможных мирах <...>. С другой стороны, пропозиция условно истинна (или ложна) в том же смысле, когда эта пропозиция истинна в определённый момент времени в реальном, но не во всех возможных мирах” [10, с. 186] (*перевод наш – Е.Б.*).

Такая логика в конечном итоге удовлетворяет первому и важнейшему условию любого переводоведческого анализа, т.к. установление адекватности перевода в данном случае приобретает системный характер и сводится к процедуре сравнения соответствия двух возможных миров: созданного в оригинале и переводе.

Описанный инструментарий логической семантики, предложенный С. Крипке, имеет много общего с аппаратом анализа когнитивной лингвистики. Так, переменные возможных миров, представляющие логические понятия, в лингвокогнитивистике предстают в виде концептов, центральным компонентом которых является понятие [12, с. 109; 13, с. 60-67; 14, с. 43]. Реляции между понятиями в когнитивной лингвистике описываются в виде пропозициональных связей: предметной, структурирующей информацию о собственных бытийных признаках предметной сущности; акциональной, включающей предмет-агенса и выполняемый им акт; компаративной, возникающей на основе объединения двух ролей – компаратива как предмета, который сравнивают и коррелята как предмета, с которым сравнивают; посессивной, устанавливающей отношения между обобщенными ролями “обладатель” – “обладаемое” и квалификативной, где две предметные сущности объединяются связкой *есть* [15; 16]. Наконец, сам возможный мир представляется в виде скрипта (сценария), динамической структуры в виде системы концептов, ассоциированных в рамках повседневного человеческого опыта, и разворачивающейся во времени [17]. Среди типичных фреймов автор идеи называет, например, ПОСЕЩЕНИЕ РЕСТОРАНА, включающий помещение, блюда, обслуживающий персонал. Принимая во внимание, что процедура посещения ресторана предполагает линейную последовательность определённых процедур, фрейм представляется как

скрипт, включающий абонирование (с предварительным бронированием) столика, приход официанта, выбор блюд, ожидание заказа, трапезу, расчёт и пр.

В рамках анализа перевода художественного текста использование скрипта как формы презентации возможного мира релевантно ещё и потому, что переводчик должен “встраиваться” в особый мир, создаваемый автором, подобно тому, как читатель, кино- или театральный зритель во время ознакомления с художественным произведением принимает или, во всяком случае, должен принять особый условный мир, положение вещей и взаимосвязи в нём.

Выбор стихотворений И. Бродского, созданных им на русском, а затем, переведённых им самим на английский язык, во многом сводит к минимуму сложную задачу учёта фактора влияния переводчика в опосредованном общении автора и читателя. Возможный мир переводчика, который, по утверждению А. Н. Веселовского [18, с. 491], непременно вступает в творческое соперничество с автором, в данном случае не вмешивается в передачу текста, так что предполагается полная адекватность (достижимость) семантического пространства возможного мира перевода из возможного мира оригинала. Следует, однако, учесть, что полное соответствие указанных возможных миров в принципе не достижимо.

Анализ стихотворения начинается с выявления модального оператора, который определяет наполнение семантического пространства произведения. Так, в возможном мире И. Бродского достижимость порядка вещей в оригинале и переводе должна стремиться к максимуму, хотя, как уже отмечалось, абсолютного соответствия возможных миров быть не может. Модальным оператором в обоих мирах при полном совпадении семантических пространств является *необходимо*, *что...*, а при частичном – *возможно, что...*

Семантическое пространство возможных миров оригинала (w_1) и перевода (w_2) представляется в виде скрипта, который состоит из набора линейно последовательных концептуальных узлов с кластерами пропозиций. Выбор автором конкретных пропозициональных связей в случае с оригиналом может быть описан в рамках когнитивной операции зумминга (zooming) или подвижки (panning) [19]. Первая операция, подобно взгляду человека при изучении объекта, предполагает увеличение детализации объекта, как бы его ментальное приближение, разглядывание, а второй – перемещение фокуса с одного объекта на другой или одной детали объекта на другую. Последняя операция собственно и составляет суть скрипта как ментальной конструкции, линейно и последовательно разворачивающей ассоциативно связанные объекты и свойства отдельных объектов возможного мира.

Проиллюстрируем процедуру анализа скрипта на примере стихотворения И. Бродского из цикла “Часть речи” (“Part of speech”).

Приведем полностью оригинал и его перевод:

*... и при слове “грядущее” из русского языка
выбегают мьши и всей оравой
отгрызают от лакомого куска
памяти, что твой сыр дырявой.
После стольких зим уже безразлично, что
или кто стоит в углу у окна за шторой,
и в мозгу раздаётся не неземное “до”,
но её шуршание. Жизнь, которой,
как дарёной вещи, не смотрят в пасть,
обнажает зубы при каждой встрече.
От всего человека вам остаётся часть
речи. Часть речи вообще. Часть речи [21, с. 354].*

... and when "the future" is uttered, swarms of mice
 rush out of the Russian language and gnaw a piece
 of ripened memory which is twice
 as hole-ridden as real cheese.
 After all these years it hardly matters who
 or what stands in the corner, hidden by heavy drapes,
 and your mind resounds not with a seraphic "doh",
 only their rustle. Life, that no one dares
 to appraise, like that gift horse's mouth,
 bares its teeth in a grin at each
 encounter. What gets left of a man amounts
 to a part. To his spoken part. To a part of speech [22, с. 15].

Концептуальными узлами скрипта являются последовательно (1) СЛОВО "ГРЯДУЩЕЕ" → (2) МЫШИ → (3) ПАМЯТЬ → (4) ПРЯЧУЩИЙСЯ → (5) НОТА "ДО" → (6) ДАРЕНАЯ ВЕЩЬ (КОНЬ) → (7) ЧЕЛОВЕК → (8) ЧАСТЬ РЕЧИ.

Достижимость положения вещей перевода (w_i) из мира оригинала (w_i) анализируется только в рамках тех пропозиций, которые вербализованы в переводе иначе, чем в оригинале, т.е. рассматриваются действия оператора *возможно, что*... Так, например, акциональная пропозиция узла (2) в переводе реализуется ономастической рифмовкой *Rush out of the Russian*. Метафорическая (компаративная) пропозиция (3) ПАМЯТЬ *есть как бы* СЫР в переводе конкретизируется: *twice / as hole-ridden as real cheese*. В пропозиции (5) нота "до", которая в английском должна обозначаться *note C*, оставлена как в оригинале, хотя оба значения слова ("нота" и "предлог"), на котором построена смысловая игра, теряются в переводе. Пропозиция (6) основана на знании русской народной поговорки "Дарёному коню в зубы не смотрят". Она сохранена в переводе, но без объяснения подразумеваемого в рамках акциональной пропозиции *bare its teeth in a grin*, что создаёт новый смысл. В переводе теряется также ключевая для стихотворения ассоциативная цепочка пропозиций (6) и (7), т.к. исчезает связующее - *часть речи*. Автор вынужден, придерживаясь норм валентности англоязычной лексемы, передать посессивную пропозицию РЕЧЬ / РАЗГОВОР ЧЕЛОВЕКА как *his spoken part*. Так исчезает игра смыслов "фрагмент беседы (речи) собеседника" и "часть речи как единица языка".

Второе стихотворение, "То не муза..." [21, с. 402], которое в английском переводе носит название "Folk Tune" [22, с. 8], ввиду значительности объема не приводится. Скрипт его перевода так же, как в предыдущем случае, полностью соответствует скрипту оригинала. Это последовательная цепь концептуальных узлов (переменных обоих возможных миров, оригинала (w_i) и перевода (w_i)), соответствующих строфам стихотворения: (1) СОН (МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА) → (2) ТОСКА → (3) ПОСТЕЛЬ → (4) ЛЕС И ОЗЕРО → (5) СТАРОСТЬ → (6) РИСУНОК (РАЗЛУКА).

Наиболее существенные трансформации наблюдаются в пропозициях (2), (4), (5) и (6). Так, в (2) акциональная пропозиция, реализованная посредством зевгмы и сравнения: *И не встать ни раком, ни так словам, / как назад в осиновый строй дровам*, трансформируется в аналогичную пропозицию, в которой однако, активирован второй компаритивный компонент: *And the words won't rise either like that rod / or like logs to rejoin their old grove's sweet rot*.

В предметной пропозиции (4) переменная ЛИЦО в: *Я бы заячьи уши пришил к лицу* трансформируется в развернутую пропозицию с атрибутивным компонентом ЛЫСАЯ ГОЛОВА: *I would have hare's ears sewn to my bald head*. В другой предметной пропозиции ОЗЕРО качественный компонент ЧЁРНЫЙ в: *но и в чёрном пруду из дурных коряг* трансформируется в компаритивный НЕФТЬ: *and from black gnarled snags in the oil-smooth pond*. Наиболее существенной является вариация в последней строке строфы, вербализующей пропозицию (4). Здесь в акциональной пропозиции: *я бы*

всплыл пред тобой, как не смог "Варяг", возникает необходимость замены одной исторической реалии иной, понятной англоязычному читателю: *I'd bob up to your face as some Tirpitz won't*. В обоих случаях в акциональной пропозиции фигурирует переменная ВОЕННЫЙ КОРАБЛЬ (ИЗВЕСТНЫЙ В ИСТОРИИ КАК АРХЕТИП). Однако автору пришлось заменить название крейсера "Варяг", корабля, затопленного после боя по решению команды во время русско-японской войны (1904-1905 гг.), на название немецкого линкора "Тирпиц", долгое время считавшегося неуязвимым и затопленного авиацией союзников в норвежских водах время второй мировой войны в 1944 г.

В возможном мире оригинала концепт-узел СТАРОСТЬ (5) связан с концептом СУДЬБА: *Но, видать, не судьба, и года не те*, который в переводе реализуется в виде концептов ГАДАНИЕ и АЛКОГОЛЬ в рамках компаративной пропозиции (метонимии): *But it's not on the cards or the waiter's tray*. Далее СТАРОСТЬ реализуется в рамках идентификационной связи с концептом ЖИЛЫ: *Больше длинных жил, чем для них кровей*, которые в мире оригинала длинные, а в возможном мире перевода трансформируются в синие СЕТОЧКИ СУХИХ ВЕН: *There are more blue veins than the blood to swell / their dried web*. Концепт МЫСЛИ в рамках компаративного фрейма: *да и мысли мертвых кустов кривей* проявляется в переводе в виде концепта КЛЕТКА МОЗГА, которая в рамках предметного фрейма описывается как отделённая (видимо настолько, что мысли от этого замедляются): *some remote brain cell*.

В узле РИСУНОК (РАЗЛУКА) вариативность проявляет концепт БУМАГА: *Нарисуй на бумаге простой кружок*, не развёрнутый в пропозицию. Последняя, однако, имеется в возможном мире перевода как национально-культурная реалия – особый тип блокнота с отрывными листами: *Draw an empty circle on your yellow pad*. В акциональной пропозиции пациенс КРУГ в возможном мире оригинала: *Нарисуй на бумаге простой кружок. / Это буду я: ничего внутри. / Посмотри на него, и потом сотри* трансформируется в мире перевода в КАРАКУЛИ: *Stare at it a while, then erase the scrawl*.

Таким образом, выяснено, что методология теории возможных миров, толкующая перевод как комплексный лингвокогнитивный процесс, является релевантной для переводоведения. Применение инструментария теории в рамках представлений когнитивной лингвистики о механизмах мировосприятия человека и способах его вербализации позволяет не только выявить, но и объяснить ряд явлений, возникающих при переводе. Это коренным образом меняет саму природу теории перевода, наделяя её экспланаторным потенциалом.

В результате исследования выявлено, что при исключении фактора влияния переводчика, который опосредует восприятие, возможные миры оригинала и перевода, созданные одними и тем же автором, являются не абсолютно достижимыми в связи с внутриязыковыми и культурологическими факторами. Первые, являющиеся предметом изучения в традиционной теории и практике перевода, обуславливают лексическую и грамматическую валентность языковых единиц; вторые требуют от автора перевода знания исторических и культурных реалий, знакомых потенциальному читателю.

Модальным оператором в обоих мирах при полном совпадении семантических пространств является *необходимо, что...*, а при частичном – *возможно, что...* Возможные миры оригинала и перевода сопоставляются в рамках лингвокогнитивной методики в виде скрипта, последовательной линейной ассоциативно соотнесенной цепи узловых концептов, развёрнутых в пропозициях разного типа. Внутри пропозиций имеет место вариативность, что в конечном счёте определяет сущность узлов скрипта как переменных возможных миров оригинала и перевода.

Перспективным направлением использования описанной методики представляется выявление модальных и лингвокогнитивных характеристик

возможных миров оригинала и перевода, созданных разными авторами, а также изучение когнитивного механизма восприятия перевода читателем.

МОЖЛИВИ СВИТИ ПОЕТА У ПЕРЕКЛАДІ (НА МАТЕРІАЛІ ВІРШІВ Й. БРОДСЬКОГО)

Є. В. Бондаренко, д-р філол. наук, професор

Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
Майдан Свободи 4, Харків, 61022, Україна

E-mail: y.v.bondarenko@karazin.ua

У статті розглядається лінгвокогнітивний потенціал теорії можливих світів у перекладознавстві. Когнітивною підвалиною дослідження є здатність свідомості людини створювати моделі миру (можливі ситуації) згідно з її власними (такими, що не завжди співпадають з реальністю) уявленнями про явища світу і їх взаємозв'язки. У термінах лінгвокогнітивістики ситуація в можливому світі постає як скрипт (сценарій) – набір лінійно послідовних концептуальних вузлів із кластерами пропозицій. На прикладі творів Й. Бродського, який є автором їх російськомовної й англійської версій, продемонстрована можливість застосування описаної методики в аналізі перекладу як лінгвокогнітивного явища. Виявлені модальні оператори й відносно константний склад скриптів можливих світів оригіналу й перекладу. Варіативність, що зумовлена як внутрішньомовними нормами, так і національно-культурними причинами, спостерігається усередині кластерів пропозиційних зв'язків змінних (концептів).

Ключові слова: теорія можливих світів, скрипт, модальний оператор, пропозиційний зв'язок, концепт.

THE POET'S POSSIBLE WORLDS IN TRANSLATION (FEATURED BY J. BRODSKY'S POEMS)

Y. V. Bondarenko, Doctor of Philology, Professor

Vasyl Karazin Kharkiv National University,
Maidan Svobody 4, Kharkiv, 61022, Ukraine

E-mail: y.v.bondarenko@karazin.ua

The article focuses on the linguistic cognitive potential of possible worlds theory in translation studies. Its cognitive underpinning is the tenet stating the ability of human consciousness to construe the world models (contingent situations) according to his/her idea of certain phenomena and their relationships, which may or may not correspond to the state of things in the real world. In terms of linguistic cognitive method, state of things in a possible world is a script (scenario) defined as a set of linearly subsequent conceptual terminals containing propositional clusters. Translation viewed as a cognitive process, the methodology is applied to the analysis of the Russian language J. Brodsky's poetry translated in English by the author himself. Modal operators and practically identical script structures of the original and translation possible worlds have been singled out. Variations stipulated by either linguistic norms of the language or cultural-historical reasons have been observed within the clusters of the concepts (variables) propositional relations.

Key words: possible worlds theory, script, modal operator, proposition, concept.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокин Ю. А. Переводведение: Статус переводчика и психогерменевтические процедуры / Ю. А. Сорокин. – М., 2003. – 160 с.
2. Фесенко Т. А. Концептуальные основы перевода / Т. А. Фесенко. – Тамбов, 2001. – 124 с.
3. Воскобойник Г. Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: автореф. дисс. д-ра филол. наук : спец. 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Г. Д. Воскобойник. – М., 2004. – 40 с.
4. Воскобойник Г. Д. Общая когнитивная теория перевода: курс лекций / Г. Д. Воскобойник, Н. Н. Ефимова. – Иркутск: ИГЛУ, 2007. – 217 с.
5. Усачёва А. Н. Перевод: от лингвистической теории к когнитивной модели / А. Н. Усачева // Вести Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. – 2011. – № 1 (13). – С. 131-137.
6. Leibniz G. Theodicy. Essays on the Goodness of God, the Freedom of Man and the Origin of Evil. – [Electronic resource] / G. Leibniz. – [Transl. by E.M. Huggard]. Reference: <http://www.gutenberg.org/files/17147/17147-h/17147-h.htm>. – Accessed: 20.01.2015.
7. Kripke S. A. Naming and Necessity / S. A. Kripke. – [Reprinted]. – Harvard University Press, 1980. – 172 p.
8. Hintikka J. The Logic of Epistemology and the Epistemology of Logic / J. Hintikka. – Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 1989. – 245 p.
9. Бабушкин А. П. “Возможные миры” в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.

10. Vanderveken D. Propositional Identity, Truth According to Predication and Strong Implication / D. Vanderveken // *Logic, Thought and Action*. – [Ed. by D. Vanderveken]. – Book 2. — Dordrecht: Springer, 2005. – P. 185-216.
11. Сидоренко Е. А. Логика, парадоксы, возможные миры. (Размышление о мышлении в девяти очерках) / Е. А. Сидоренко. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 312 с.
12. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
13. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дисс. д-ра филол. наук: спец. 10.02.19 – теория языка / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 40 с.
14. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997. – 824 с.
15. Cognitive exploration of language and linguistics – [Ed. by René Dirven and Marjolijn Verspoor; in collaboration with Johan de Caluwe ... et al.]. – Amsterdam; Philadelphia; J. Benjamins Pub. Co., – 1998. – 300 p.
16. Жаботинская С. А. Ономастологические модели и событийные схемы / С.А. Жаботинская // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*. – 2009. – Вип. 837. – С. 3-14.
17. Fillmore Ch. J. Frame semantics / Ch. J. Fillmore // *The Linguistic Society of Korea* [Ed.]. *Linguistics in the Morning Calm*. – Seoul: Hanshin Publishing Co, 1982. – P. 111–137.
18. Веселовский А. Н. В.А. Жуковский. Пoesия чувства и “сердечного” воображения / А.Н. Веселовский. – Типография Императорской академии наук: С.-Петербург, 1904. – 547 с.
19. Cooper L. A. Chronometric studies of the rotation of mental images / L. A. Cooper & R. N. Shepard // *Visual Information Processing*. – [Ed. by W. G. Chase]. – New York: Academic Press, 1973. – P. 75-176.

СПИСОК ІЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛА

20. Вознесенский А. Тайга [Электронный ресурс] / А. А. Вознесенский. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/60s/vozn/antimir/tajga.htm>. – Дата доступа: 22.01.2015.
21. Бродский И. А. Серия Избранное / И.А. Бродский. – М.: Зебра Е, ЭКСМО, 2003. – 591 с.
22. Brodsky J. Poems. – [Electronic resource]. / J. Brodsky. – PoemHunter.Com – The World’s Poetry Archive, 2004. – 23 p. – Reference: http://www.poemhunter.com/i/ebooks/pdf/joseph_brodsky_2004_9.pdf. – Accessed: 22.01.2015.

LIST OF REFERENCES

1. Sorokin Y.A. Theory of Translation: Translator’s Status and Psycho-hermeneutic Procedures / Y. A. Sorokin. – Moscow, 2003. – 160 p.
2. Fesenko T.A. Conceptual Underpinnings of Translation / T.A. Fesenko. – Tambov, 2001. – 124 p.
3. Voskobochnik G.D. Lingo-philosophic Underpinnings of General Cognitive Theory of Translation: Thesis of Doctor’s Dissertation. Scientific area: 10.02.20 – Historical, Typological and Comparative Linguistics / G.D. Voskobochnik. – Moscow, 2004. – 40 p.
4. Voskobochnik G. D. General Cognitive Theory of Translation: lecture course / G. D. Voskobochnik, N. N. Efimova. – Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University, 2007. – 217 p.
5. Usachjova A.N. Translation: from Linguistic Theory to Cognitive Model / A. N. Usachjova // *Vesti Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Linguistics*. – 2011. – No 1 (13). – P. 131-137.
6. Leibniz G. Theodicy. Essays on the Goodness of God, the Freedom of Man and the Origin of Evil. – [Electronic resource] / G. Leibniz. – [Transl. by E.M. Huggard]. Reference: <http://www.gutenberg.org/files/17147/17147-h/17147-h.htm>. – Accessed: 20.01.2015.
7. Kripke S.A. Naming and Necessity / S.A. Kripke. – [Reprinted]. – Harvard University Press, 1980. – 172 p.
8. Hintikka J. The Logic of Epistemology and the Epistemology of Logic / J. Hintikka. – Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 1989. – 245 p.
9. Babushkin A. P. “Possible Worlds” in the Semantic Space of Language / A. P. Babushkin. – Voronezh State University, 2001. – 86 p.
10. Vanderveken D. Propositional Identity, Truth According to Predication and Strong Implication / D. Vanderveken // *Logic, Thought and Action*. – Book 2. — Dordrecht: Springer, 2005. – P. 185-216.
11. Sidorenko E.A. Logics, Paradoxes, Possible Worlds. (Reflecting upon intellect in nine essays) / E. A. Sidorenko. – Moscow: Editorial URSS, 2002. – 312 p.
12. Karasik V. I. Linguistic circle: Personality, Concepts, Discourse. – Moscow: Gnozis, 2004. – 390 p.
13. Slyshkin G.G. Linguocultural Concepts and Metaconcepts: Thesis of Doctor’s Dissertation. Scientific area: 10.02.19 – Theory of Linguistics / G. G. Slyshkin. – Volgograd, 2004. – 40 p.
14. Stepanov Y.S. Constantae: Dictionary of Russian Culture / Y.S. Stepanov. – Moscow, 1997. – 824 p.
15. Cognitive exploration of language and linguistics – [Ed. by René Dirven and Marjolijn Verspoor; in collaboration with Johan de Caluwe ... et al.]. – Amsterdam; Philadelphia; J. Benjamins Pub. Co., – 1998. – 300 p.
16. Zhabotinskaja S. A. Onomaseological Models and Event Schema / S.A. Zhabotinskaja // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*. – 2009. – Issue No 837. – P. 3-14.
17. Fillmore Ch. J. Frame semantics / Ch. J. Fillmore // *The Linguistic Society of Korea* [Ed.]. *Linguistics in the Morning Calm*. – Seoul: Hanshin Publishing Co, 1982. – P. 111–137.

18. Veselovskij A.N. V.A. Zhukovskiy. Poetics of Feelings and “spiritual” imagination / A.N. Veselovskiy. – Printed in His Majesty’s Academy of Sciences: Saint-Petersburg, 1904. – 547 p.
19. Cooper L. A. Chronometric studies of the rotation of mental images / L. A. Cooper & R. N. Shepard // Visual Information Processing. – [Ed. by W. G. Chase]. – New York: Academic Press, 1973. – P. 75-176.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

20. Voznesenskij A. Taiga. [Electronic resource] / A. Voznesenskij. – Reference: <http://www.ruthenia.ru/60s/vozes/antimir/tajga.htm>. – Accessed: 22.01.2015.
21. Brodsky J. Selected Poems Series / J. Brodsky. – Moscow: E Zebra, EKSMO, 2003. – 591 p.
22. Brodsky J. Poems. – [Electronic resource]. / J. Brodsky. – PoemHunter.Com – The World’s Poetry Archive, 2004. – 23 p. – Reference: http://www.poemhunter.com/i/ebooks/pdf/joseph_brodsky_2004_9.pdf. – Accessed: 22.01.2015.

Поступила в редакцию 3 февраля 2015 г.